

УДК 343.973
ББК 67.518.1Ю.В. Латов,
доктор социологических наук
Академия управления МВД России,
Ю.Г. Наумов,
кандидат экономических наук
Академия управления МВД России

ЦЕЛЕВОЙ ИНДИКАТОР И ПОКАЗАТЕЛИ РОССИЙСКОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

В современной России существует высокий общественный спрос на разработку и реализацию стратегической (долгосрочной) государственной программы противодействия коррупции. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» является важным шагом по пути формирования этой антикоррупционной стратегии. Однако в Национальной стратегии не указано никаких критериев, на основании которых можно было бы судить о степени ее реализации. Авторами доказывается возможность использования индекса восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index – CPI) как целевого индикатора выполнения задач Национальной стратегии противодействия коррупции. На основе сравнительного анализа сформулированы целевые показатели индекса восприятия коррупции для среднесрочного и долгосрочного периодов. В частности, знакомство с базой данных CPI убеждает, что национальная антикоррупционная стратегия категорически не должна провозглашать очередную кампанию по «искоренению» коррупции в России. При наличии политической воли и ряда иных (в первую очередь, культурных) предпосылок можно не «искоренить», но *радикально ограничить* масштабы распространения коррупции. Если ориентироваться на страны с тем уровнем социально-экономического развития и культуры, которые примерно сопоставимы с Россией (типа Чили), то «естественной нормой» индекса коррупции России будет, вероятно, уровень примерно в 7 баллов, причем для достижения этого уровня необходима очень длительная работа. Выбирая реальную цель для эффективной Национальной стратегии противодействия коррупции, лучше ставить более умеренную задачу повышения CPI примерно до 3,5 балла к 2020 г., акцентируя внимание на обеспечение устойчивости роста данного показателя.

Ключевые слова: коррупция; Национальная стратегия противодействия коррупции; индекс восприятия коррупции.

Yu.V. Latov,
Doctor of Sociology
Academy of Management of Russian Ministry of Internal Affairs
Yu.G. Naumov,
Ph.D. in Economics
Academy of Management of Russian Ministry of Internal Affairs

TARGET INDICATOR AND VALUES OF RUSSIAN ANTI-CORRUPTION STRATEGY

There is a high social demand in modern Russia to develop and implement a strategic (long-term) state anti-corruption program. Decree of the President of the Russian Federation of April 13, 2010 № 460 «On the National Anti-Corruption Strategy and National Anti-Corruption Plan for 2010–2011» is an important step towards the development of this anti-corruption strategy. But the National Strategy does not include any criteria that would allow judging how well it is implemented. The authors prove that it is possible to use the Corruption Perceptions Index (CPI) as a target indicator of accomplishing the tasks stated in the National Anti-Corruption Strategy. Using comparative analysis they determine target CPI values for the medium- and long-term periods. Thus the study of the CPI database proves that the National Anti-Corruption Strategy should never declare the beginning of another campaign to «eradicate» corruption in Russia. Political will and a number of other (primarily cultural) preconditions would allow not «eradicate», but *radically limit* the scope of corruption. If the target countries are those

whose social and economic development and cultural level is comparable to Russia (like Chile), then the «natural norm» of the Corruption Index in Russia would probably be about 7 points, and a long-time effort is necessary for reaching this target. If we choose a realistic target for the effective National Anti-Corruption Strategy then it is better to set a more modest target of raising the CPI to about 3,5 points by 2020 stressing the sustainable growth of this value.

Key words: corruption; National Anti-Corruption Strategy; Corruption Perception Index.

Российские социологические опросы последних лет показывают, что коррупция – использование служебного положения для извлечения личной выгоды – стала восприниматься как одна из самых главных угроз (или даже ведущая угроза) национальной безопасности (см., например, [4]). Исследования экспертов также подтверждают тенденцию к росту коррупции в России [6]. Так, в 2005 г. сотрудники Фонда ИНДЕМ сделали вывод, что в сфере деловой коррупции общая сумма взяток с 2001 г. выросла в 9 раз (с поправкой на инфляцию – примерно в 7 раз), причем взятки регулярно платят примерно 80% всех фирм. По их оценке, общий объем рынка коррупции в России середины 2000-х гг. был сопоставим по доходам с федеральным бюджетом. Вряд ли к настоящему времени ситуация качественно улучшилась.

В условиях рыночной экономики коррупция не ограничивается исключительно ростом взяточничества или злоупотреблений чиновниками. Мировой и отечественный опыт свидетельствует, что в процессе институциональных преобразований могут получить широкое распространение такие формы коррупции как коррупционный лоббизм, коррупционный фаворитизм, коррупционный протекционизм, необоснованное предоставление налоговых и таможенных льгот отдельным коммерческим структурам и т. д. [2, с. 22]

Существует, таким образом, общественный спрос на разработку и реализацию стратегической (долгосрочной) государственной программы противодействия коррупции. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» [5] является важным шагом по пути формирования этой антикоррупционной стратегии. В этом документе «признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации» (пункт 7) четко заявлено как первый принцип Национальной стратегии.

Однако у существующей Национальной стратегии противодействия коррупции есть три крупных недостатка, которые значительно снижают ее ценность.

Во-первых, сформулированная в Национальной стратегии цель абсолютно нереальна. В пункте 5 заявлено, что «целью Национальной стратегии противодействия коррупции является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе». Вряд ли надо доказывать, что «искоренить» эти причины и условия не удалось пока ни в одной стране мира, а потому вряд ли это удастся сделать и в современной России.

Во-вторых, в Национальной стратегии не указано никаких критериев, на основании которых можно было бы судить о степени реализации Национальной стратегии. Собственно, вторая ошибка Национальной стратегии логически вытекает из первой: если заявленная цель заведомо недостижима, то указывать точные критерии степени ее достижения – значит затем неизбежно констатировать провал программы. Но кому и зачем нужен стратегический план, не предполагающий объективной оценки его выполнения?! Поэтому существующая Национальная стратегия порождает подозрения, будто она направлена главным образом на имитацию борьбы с коррупцией.

В-третьих, принятый одновременно с Национальной стратегией в апреле 2010 г. Национальный план противодействия коррупции рассчитан только на 2010–2011 гг. За такой короткий срок (менее двух лет) можно в лучшем случае создать *предпосылки* для начала реализации стратегического национального антикоррупционного проекта. Однако за этот срок вряд ли возможно добиться каких-либо значимых *результатов*.

Несмотря на заметную активизацию в последние годы борьбы с проявлениями коррупции, в целом уровень противодействия ее распространению трудно признать адекватным сложившейся криминальной ситуации. Наказание получают в основном участники

мелких коррупционных сделок, в то время как «рыба гниет с головы». Результаты обобщения судебной практики за взяточничество показывают, например, что в 2009 г. только в 1,5% уголовных дел сумма взятки превысила 1 млн руб. Из-за незначительности большинства зафиксированных коррупционных преступлений в 70% случаях виновные коррупционеры получили всего лишь условные сроки [1]. После принятия Национальной стратегии ситуация существенно не изменилась.

Поскольку принятая Национальная стратегия буквально обречена на доработку, попробуем ответить на вопросы, как следует сформулировать научно обоснованную цель борьбы с коррупцией в современной России и как можно отслеживать степень достижения этой цели.

Любой перспективный план эффективен только тогда, когда в него заложены показатели, при помощи которых можно отслеживать степень выполнения плановых заданий. Это в полной мере относится и к борьбе с коррупцией. Существующая формулировка цели Национальной стратегии противодействия коррупции как искоренения причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, страдает декларативностью. Более научно обоснованной долгосрочной целью было бы – в самом общем виде – снижение коррупции до некоего социально неопасного уровня. Но каков же этот уровень?

Масштабы коррупции трудно оценить, поскольку подавляющая часть коррупционных правонарушений остается не выявленной и не наказанной: уровень латентности коррупционной преступности колеблется в районе 90–98% [3, с. 5]. Именно из-за своей высочайшей латентности коррупция является крайне опасной разновидностью экономической преступности. Однако есть немало методов, позволяющих хотя бы приблизительно оценить относительную и абсолютную степень коррумпированности той или иной национальной экономики.

Среди сравнительных количественных оценок коррупции в разных странах наиболее популярен «индекс восприятия коррупции» (Corruption Perceptions Index – CPI), который часто называют просто индексом коррупции. Это 10-балльный показатель, сравнивающий уровень коррумпированности чиновников и политиков в разных странах мира. Он с 1995 г. ежегодно рассчитывается Всемирной органи-

зацией по борьбе с коррупцией – Transparency International (некоммерческой неправительственной организацией по изучению коррупции и борьбе с нею). Для расчета индекса восприятия коррупции Transparency International интегрирует оценки нескольких авторитетных международных научных и экономических организаций (таких как Всемирный Банк, Freedom House, World Economic Forum и др.). Показатели CPI основаны в конечном счете на оценках степени коррумпированности разных стран, даваемых бизнесменами и аналитиками. В процессе обобщения отдельных исследований каждая страна (в базах данных CPI за последние годы их было примерно 180) получает оценку по 10-балльной шкале, где 10 баллов означают отсутствие коррупции, а 0 баллов – самую высокую степень коррупции. Реально подавляющее большинство стран мира демонстрирует показатели CPI в интервале от 2 до 9 баллов.

Экономисты, анализируя базу данных индекса CPI за более чем 15 лет (в табл. указаны индексы для некоторых стран), давно выделили следующие закономерности:

- коррупция чаще всего выше в бедных странах, но ниже в богатых;
- коррупция в целом ниже в странах западноевропейской цивилизации и выше в неевропейских странах со слабыми традициями политической демократии;
- коррупция обычно выше в странах с богатыми природными ресурсами (феномен «ресурсного проклятия»).

Может показаться, что Россия «обречена» на высокую коррупцию, поскольку наша страна не очень богата, имеет не слишком прочные традиции политической демократии и обладает богатыми природными ресурсами, провоцирующими рентоискательство. Указанные закономерности, однако, не создают фатальной детерминированности. Есть примеры успешной национальной антикоррупционной политики, в результате которой низкого уровня коррупции добивались бедные (как Ботсвана), неевропейские (как Сингапур и Гонконг), богатые природными ресурсами (как Канада и Норвегия) страны. Поэтому можно сделать вывод, что у России есть предрасположенность к высокой коррупции, но отнюдь не обреченность на нее. В конце концов, тот же самый Гонконг до 1980-х гг. считался *очень* коррумпированным, но смог «очиститься» от коррупции.

Таблица

Индексы восприятия коррупции для некоторых стран мира

Страны мира	Индексы восприятия коррупции							
	1995 г.	1999 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Развитые страны								
Дания	9,3	10,0	9,5	9,5	9,4	9,3	9,3	9,4
Швеция	8,9	9,4	9,3	9,2	9,3	9,2	9,2	9,3
Канада	8,9	9,2	9,0	8,4	8,7	8,7	8,9	8,7
Германия	8,1	8,0	7,3	8,2	7,8	8,0	7,9	8,0
Япония	6,7	6,0	7,1	7,3	7,5	7,7	7,8	8,0
Великобритания	8,6	8,6	8,7	8,6	8,4	7,7	7,6	7,8
США	7,8	7,5	7,7	7,6	7,2	7,5	7,1	7,1
Франция	7,0	6,6	6,3	7,5	7,3	6,9	6,8	7,0
Испания	4,4	6,6	7,1	7,0	6,7	6,1	6,1	6,2
Италия	3,0	4,7	5,3	6,2	5,2	4,3	3,9	3,9
Развивающиеся страны								
Сингапур	9,3	9,1	9,4	9,3	9,3	9,2	9,3	9,2
Гонконг	7,1	7,7	8,2	8,3	8,3	8,2	8,4	8,4
Чили	7,9	6,9	7,5	7,3	7,0	6,7	7,2	7,2
Ботсвана		6,1	5,7	5,9	5,4	5,6	5,8	6,1
Ю. Корея	5,6	3,8	4,3	5,0	5,1	5,5	5,4	5,4
Бразилия	2,7	4,1	3,9	3,7	3,5	3,7	3,7	3,8
Индия	2,8	2,9	2,8	2,9	3,5	3,4	3,3	3,1
Индонезия	1,9	1,7	1,9	2,2	2,3	2,8	2,8	3,0
Нигерия		1,6	1,4	1,9	2,2	2,5	2,4	2,4
Венесуэла			2,4	2,3	2,0	1,9	2,0	1,9
Транзитивные (бывшие социалистические) страны								
Эстония		5,7	5,6	6,4	6,5	6,6	6,5	6,4
Польша		4,2	3,6	3,4	4,2	5,0	5,3	5,5
Венгрия	4,1	5,2	4,8	5,0	5,3	5,1	4,7	4,6
Чехия		4,6	3,9	4,3	5,2	4,9	4,6	4,4
Грузия		2,3	1,8	2,3	3,4	4,1	3,8	4,1
Куба			4,6	3,8	4,2	4,4	3,7	4,2
Китай	2,2	3,4	3,4	3,2	3,5	3,6	3,5	3,6
Беларусь		3,4	4,2	2,6	2,1	2,4	2,5	2,4
Украина		2,6	2,3	2,6	2,7	2,2	2,4	2,3
Россия		2,4	2,7	2,4	2,3	2,2	2,1	2,4

Составлено по: <http://www.transparency.org/>.

К сожалению, согласно мониторинговым данным Transparency International, индекс коррупции в России колебался в течение последних 10 лет в интервале 2,1–2,7 балла. Это несколько лучше, чем, например, у Нигерии (1,4–2,5 балла), но хуже, чем у Китая (3,2–3,6). Самое печальное в том, что на протяжении 2000-х гг. положение России в этом международном рейтинге медленно, но неуклонно ухудшалось. Лишь в 2011 г. российский индекс коррупции несколько улучшился – вырос до 2,4 балла. В результате Россия стала занимать 143-е место среди 182 стран, вошедших в последний рейтинг CPI. Показатель России при этом оказался ниже, чем у Индии (3,1 балла) и Индонезии (3,0 балла), на одном уровне с Нигерией (2,4 балла).

Есть, конечно, в современном мире и такие государства, у которых индекс коррупции хуже российского, – это исключительно слаборазвитые страны (как, например, Таджикистан – 2,3 балла в 2011 г., Ангола – 2,0, Узбекистан – 1,6, Афганистан – 1,5). Все государства примерно того же уровня развития экономики, на котором находится Россия (по показателю среднедушевого ВВП Россия находится рядом с Чили), расположены в рейтинге индекса коррупции на гораздо более высоких позициях.

Может возникнуть закономерный вопрос, насколько объективным является индекс коррупции. Очень низкие индексы Ирана (2,2 в 2010 г.), России (2,1) и Венесуэлы (2,0) пробуждают нехорошие подозрения, что по-

литические оппоненты Запада преднамеренно «чернят» репутацию, используя международные экономические организации как инструмент экономического давления.

Сравнительный анализ показывает, однако, что вряд ли политические соображения играют доминирующую роль в индексах коррупции. На рис. 1 и рис. 2 показана динамика CPI нескольких «благонадежных» и «неблагонадежных» стран Латинской Америки и Восточной Европы. В первом случае коммунистическая Куба демонстрирует более высокую чистоту от коррупции, чем капиталистические Бразилия и Мексика. Во втором случае Белоруссия, которую считают на Западе более авторитарным государством, чем Россию и Украину, тоже чаще всего оценивается как несколько менее коррумпированная в сравнении с ее странами-соседями с более либеральной репутацией. Эти примеры показывают, что оценки коррумпированности страны отнюдь не являются прямым отражением проводимого ее правительством политического курса.

Итак, вопрос об измерении уровня коррупции в первом приближении можно считать решенным: индекс CPI является достаточно авторитетным и относительно объективным инструментом мониторинга

коррупции. Попробуем теперь ответить на вопрос о реалистичной формулировке цели борьбы с коррупцией.

Знакомство с базой данных CPI лишний раз убеждает, что национальная антикоррупционная стратегия категорически не должна провозглашать очередную кампанию по «искоренению» коррупции в России. Полностью *искоренить* причины и условия, порождающие коррупцию, пока не удалось нигде: по индексу CPI 10 баллов из 10 возможных не набирает, как правило, ни одна страна мира. В то же время мировой опыт убеждает, что при наличии политической воли и ряда иных (в первую очередь, культурных) предпосылок можно *радикально ограничить* масштабы распространения коррупции. Скажем, даже в Швеции и Сингапуре коррупция окончательно не ликвидирована, однако она не является в таких странах сколько-нибудь социально опасным явлением. Если ориентироваться на страны с тем уровнем социально-экономического развития и культуры, которые примерно сопоставимы с Россией (типа Чили), то «естественной нормой» индекса коррупции России будет, вероятно, уровень примерно 7 баллов. Проблема в том, в какие сроки и какими методами удастся этого уровня достичь.

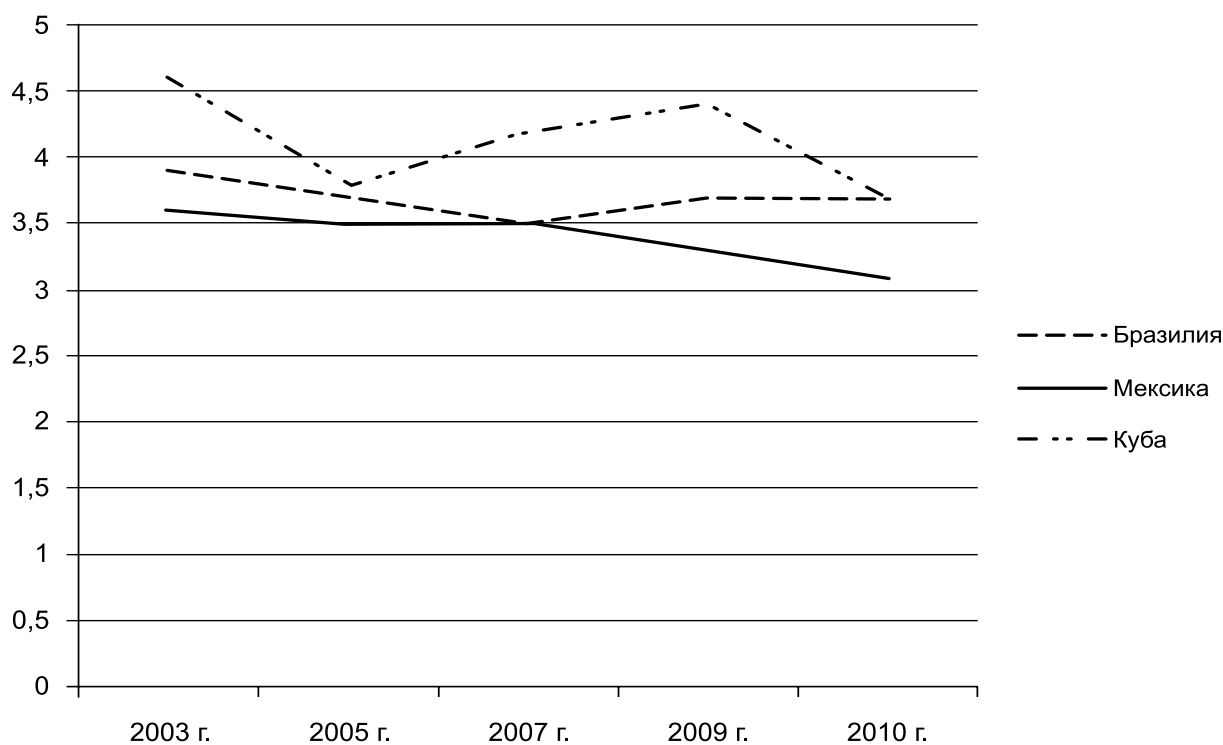

Рис. 1. Сравнение динамики CPI некоторых стран Латинской Америки

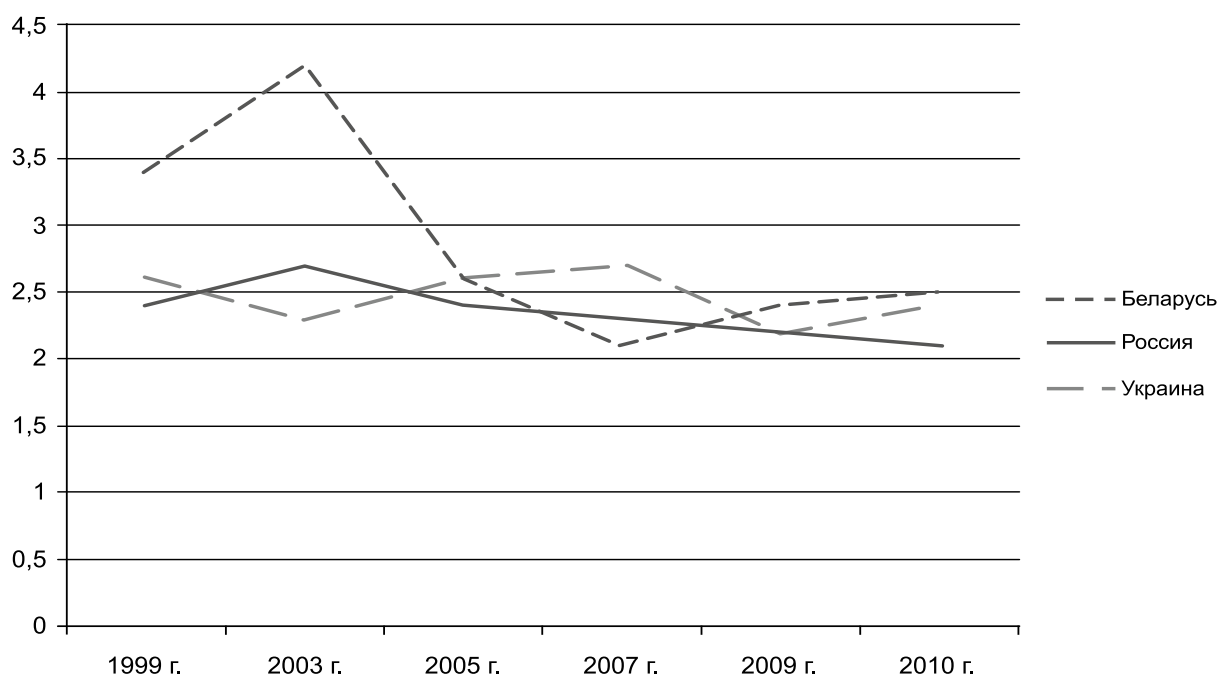

Рис. 2. Сравнение динамики CPI некоторых стран Восточной Европы

Есть ли среди стран в базе CPI такие, которые в период мониторинга Transparency International (т. е. за последние 15 лет) продемонстрировали выдающиеся успехи в борьбе с коррупцией?

Анализируя динамику индекса коррупции, легко заметить, что у большинства стран мира она колеблется примерно на одном уровне (плюс-минус 1 балл). Лишь

немногим удалось за 15-летний период мониторинга существенно улучшить свой показатель.

В таблице представлено 30 стран – по 10 из числа развитых, развивающихся и транзитивных (экс-социалистических). Из них только 4 продемонстрировали возможность повысить хотя бы временно свой CPI более чем на 1,5 балла (рис. 3):

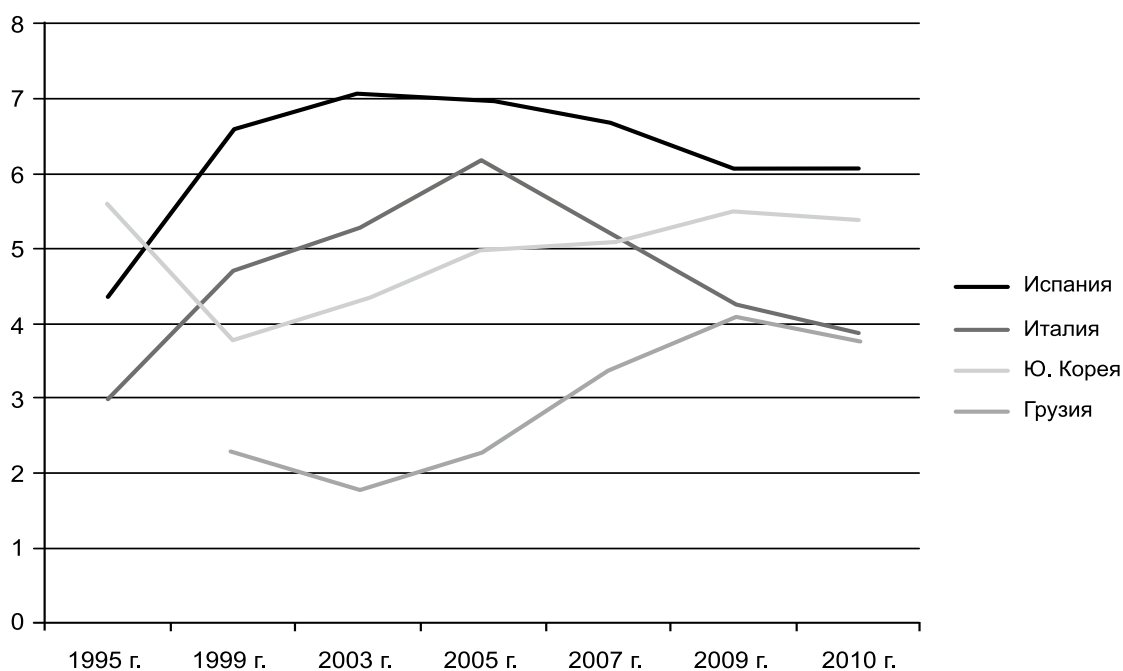

Рис. 3. Динамика CPI у стран, добившихся быстрых успехов в борьбе с коррупцией

- Южная Корея за 1999–2009 гг. увеличила свой показатель на 1,8 балла (однако у этой страны показатель 1999 г. был крайне низким в сравнении с показателем 1995 г., так что к концу 2000-х гг. Южная Корея просто ликвидировала «провал» и вернулась к своему уровню середины 1990-х гг.);

- Грузия за 2003–2009 гг. повысила индекс CPI на 2,3 балла, значительно обогнав Россию (правда, в 2010 г. ее показатель снизился, но данные за 2011 г. подтверждают стабильность успеха);

- Испания за 1995–2003 гг. «взлетела» на 2,7 балла (но к концу 2000-х гг. она 1 балл потеряла);

- Италия продемонстрировала рекорд, увеличив за 1995–2005 гг. свой индекс на 3,2 балла (однако в последующие годы она потеряла значительную часть достижений).

Таким образом, стабильное увеличение CPI более чем на 1,5 балла за несколько лет является очень трудной задачей. Если указывать в российской национальной программе борьбы с коррупцией не слишком трудную цель, то можно удовлетвориться увеличением российского индекса коррупции примерно на 1 балл (с нынешних 2 до 3 баллов) за 10 лет, в результате чего Россия, возможно, догонит Индонезию (которая тоже вряд ли будет «стоять на месте»). Российским патриотам может показаться постыдным соревноваться с Индонезией. Однако необратимое повышение российского CPI до 3 баллов уже будет *крупным* успехом, поскольку у нашей страны еще никогда за весь период антикоррупционного мониторинга не было такого показателя.

Если же попытаться заложить в национальную программу борьбы с коррупцией напряженное задание, достижение которого потребует высокой концентрации сил общества, то целью «на пределе реализма» будет стабильное повышение российского индекса CPI за 8 лет на 2-3 балла. Выполнение этого напряженного плана означает, что к 2020 г. Россия добьется индекса на уровне примерно 4-5 баллов – как у современных Польши, Венгрии, Италии. «Догнать Италию» – это, конечно, гораздо более мобилирующий лозунг, чем «Догнать Индонезию». Но выполнить такую задачу будет гораздо труднее.

В любом случае следует подчеркнуть, что Россия нуждается не в «демонстрации рекор-

да», после которого можно будет вернуться к «обычной жизни», а в *устойчивом* повышении своего индекса коррупции. В Национальной стратегии противодействия коррупции справедливо указывается на необходимость устранения (точнее было бы сказать – снижения) «коррупциогенных факторов, препятствующих созданию условий для привлечения инвестиций» (п. 8). Как известно, именно коррупция считается главным препятствием привлечения в России прямых иностранных инвестиций, без чего принципиально невозможно выполнение амбициозной программы «Стратегии 2020». Между тем крупные международные инвесторы в принятии решений о долгосрочных инвестиционных проектах ориентируются именно на устойчивые показатели, слабо реагируя на неустойчивые «всплески».

Поэтому, выбирая реальную цель для эффективной Национальной стратегии противодействия коррупции, лучше ставить более умеренную задачу повышения CPI примерно до 3,5 балла к 2020 г., акцентируя внимание на обеспечение устойчивости его роста. В результате Россия выйдет на уровень современного Китая, где коррупция хотя и признается серьезной социальной проблемой, но все же не слишком препятствует «китайскому экономическому чуду»

Что касается снижения коррупции до социально неопасного уровня, то эту задачу следует разбить на две части.

Представления о том, какой уровень коррупции является социально не опасным, заметно различаются в странах с разными культурными традициями. Для стран Восточной Европы, судя по базе данных CPI, он равен примерно 4-5 баллам. Выйти на этот уровень Россия сможет вряд ли раньше 2025 г. и только при условии, если снижение уровня коррупции удастся сделать устойчивой тенденцией развития нашей страны, не зависящей от политических изменений.

Можно ли нацеливаться на достижение настолько низкого уровня коррупции, какой считают социально не опасным в развитых странах (скажем, как в современных Франции или США – на уровне 7 баллов)? Видимо, да, но это является задачей на еще более долгосрочную перспективу. Может показаться, что снижение коррупции до уровня, нормального для развитых стран, будет возможно лишь тогда, когда Россия по всем основным соци-

ально-экономическим характеристикам станет развитой страной, что станет возможным вряд ли ранее чем через полвека. Однако база данных показателей СРІ показывает, что добиться низкого уровня коррупции удалось и некоторым странам, считающимся пока раз-

вивающимися (скажем, в 2010 г. Чили имела индекс 7,2, Уругвай – 6,9 балла). Поэтому лозунг «Догнать Францию (по индексу СРІ)» может быть в принципе реализован в России не через полвека, а уже через четверть столетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликов В. Давать опаснее, чем брать // Рос. газ. – 2010. – 17 февр.
2. Лунеев В.В. Политические и правовые проблемы коррупции // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество : сб. ст. – Н. Новгород, 2001. – С. 22.
3. Наумов Ю.Г. Коррупция и общество: теоретико-экономическое и прикладное исследование. – Владимир, 2008. – 140 с.
4. Национальная безопасность России в оценках экспертов. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии, 2010. – 56 с.
5. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : указ Президента РФ от 14 апреля 2010 г. № 460 // Рос. газ. – 2010. – 15 апреля.
6. Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. – 2007. – № 1. – С. 4–10.

REFERENCES

1. Kulikov V. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. Feb. 17, 2010.
2. Luneev V.V. *Korrupsiya v organakh gosudarstvennoj vlasti: priroda, mery protivodejstviya, mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Corruption in the State Power Bodies: Nature, Counteraction Measures, International Cooperation]. Nizhni Novgorod, 2001, p. 22.
3. Naumov Yu.G. *Korrupsiya i obshchestvo: teoretiko-ekonomicheskoe i prikladnoe issledovanie* [Corruption and Society: Theoretical-Economic and Practical Study]. Vladimir, 2008, 140 p.
4. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v otsenkakh ekspertov. Analiticheskij doklad* [Expert Estimates of Russian National Safety. Analytical Study]. Moscow, 2010, 56 p.
5. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. April 15, 2010.
6. Satarov G. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2007, no 1, pp. 4–10.

Информация об авторах

Латов Юрий Валерьевич (Москва) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра. Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: latov@mail.ru)

Наумов Юрий Геннадьевич (Москва) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансово-экономического и тылового обеспечения. Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

Information about the authors

Latov, Yury Valeryevich (Moscow) - Doctor of Sociology, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Leading Researcher, Research Center. Academy of Management of Russian Ministry of Internal Affairs (Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh st., 8, Moscow, e-mail: latov@mail.ru)

Naumov, Yury Gennadyevich (Moscow) – Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Head, Chair of Financial, Economic and Logistic Support. Academy of Management of Russian Ministry of Internal Affairs (Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh st., 8, Moscow)